

УДК 304.2

Колодий Наталия Андреевна,
д-р филос. наук, профессор, зав.
кафедрой культурологии и
социальной коммуникации
гуманитарного факультета ТПУ.
E-mail: kolodi@rambler.ru
Область научных интересов:
феноменологическая
философия, постструктура-
листская философия культуры,
социальная философия, соци-
альная антропология.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

Н.А. Колодий

Томский политехнический университет
E-mail: kolodi@rambler.ru

В статье речь идёт о многообразии дискурсов социальной (культурной) антропологии. Рассмотрены причины антропологического поворота в гуманитарном знании в целом. Охарактеризованы этапы становления социальной антропологии в нашей стране. Выявлено взаимодействие социальной и исторической антропологии, социальной антропологии и социологии.

Ключевые слова:

Социальная антропология, дискурс, интеркультурализм, мультикультурализм, антропологический поворот.

Key words:

Social anthropology, discourse, interculturalism, multiculturalism, anthropological turn.

Никто сегодня не сомневается в том, что мы живём в обществе, ландшафт которого сформирован, с одной стороны, культурой, утратившей под натиском глобализации уникальность, неповторимость; а с другой – цивилизацией, которая из последних сил пытается удержать национальное, этническое своеобразие. Представители и той, и другой культур имеют свои социальные практики, свои виды коммуникации, свои способы влияния на общую атмосферу, господствующую в социуме.

Многообразие современных культурных практик, в которые включён современный индивид, не поддаётся типологизации. Единственное, что их объединяет – это антропоцентризм и стремление к целостному видению человека, его габитуса, его специфики. Специфичность проявляется особым образом, и особенно тогда, когда человек исследуется, изучается в контексте аутентичного культурного наследия, подлинного социального и культурного опыта. Но не менее радикально иное своеобразие – своеобразие унифицирующей массовой культуры.

Столкновение двух этих тенденций обостряют процессы миграции, усиливающейся естественной и культурно-обусловленной мобильности, процессы так называемой «культурной диффузии». Последняя обусловила феномен мультикультурализма, в контексте которого тоже возникают новые культурные практики, требующие от индивида специфических паттернов поведения в условиях взаимодействия нескольких культур.

Еще недавно феномен мультикультурализма оценивался как сложный, противоречивый, парадоксальный, но позволяющий объяснить социальную и культурную множественность. Сейчас ситуация радикально изменилась. Мультикультурализм трактуется как вызов демократическому обществу, не способному управлять культурным разнообразием, а также как начало, которое породило неадекватную политкорректность, не обеспечивающую симметричный диалог коренных жителей страны и мигрантов или представителей экзотических субкультур.

Впрочем, наряду с мультикультурализмом есть еще ряд категорий, проясняющих

противостояние-взаимодействие разных культурных традиций. Это такие категории, как интеркультурализм, транскультурализм. Вся система этих неоднозначно понимаемых терминов образуют некоторое поле, в границах которого социальная или культурная антропология даёт «насыщенное описание» пространства взаимовлияния, взаимодействия, культурного трансфера. Разумеется, у социальной антропологии есть своя история, свои школы, своя система дискурсов. Мы не будем анализировать всю совокупность сложившихся исследовательских традиций и стратегий. Есть хорошие образцы систематизации и понимания её специфики [1–7]. Нас будет интересовать социальная антропология в её прикладной функции, например, для понимания того, как человек в современных условиях приобретает или жаждет приобрести аутентичный культурный опыт или аутентичные культурные ощущения. Например, в области современного туризма мы можем использовать своеобразный междисциплинарный подход, проявляющий эвристику исследовательских схем социальной антропологии.

Конечно, такой междисциплинарный подход требует синтеза постулатов разных социальных теорий, таких, как теория культурной и социальной мобильности, социальной стратификации, теория символического (культурного) капитала, теория менеджмента ощущений, некоторые постмодернистские концепты (ризомы, культурное поле, культурный трансфер).

В контексте современных туристских практик отчётливо можно проследить многие проблемы, связанные с культурной, национальной идентичностью. Там, где общество потребления достигло своего апогея, инструментом обретения идентичности или повышения социального статуса, становится демонстративное символическое потребление. Известный исследователь М. Саруп полагает, что современное общество потребления конструирует идентичность по принципу «сделай себя сам» [8]. В этом случае чрезвычайно необходима антропологическая, возможно, визуальная исследовательская оптика. Она формируется не обязательно под влиянием определённой школы или направления. Антропологический поворот свидетельствует только о том, что процессы, связанные с доминированием подобной интерпретации, не дань моде, а часть общих смещений, происходящих в гуманитаристике. Эти процессы обусловлены и кризисом глобальных методологических схем, и антинарративизмом современной гуманитаристики, и движением мысли в сторону «маленького человека» на фоне большой истории.

Социальная антропология здесь вступает в общее проблемное поле с исторической, создавая объёмное «насыщенное» антропологическое описание частного и публичного социального пространства человека. Н. Элиас, К. Гирц, представители школы «Анналов» и ряд других исследователей обращаются к частной жизни, персональной истории, индивидуальному бытию для того, чтобы посмотреть, как коллективное бессознательное или рамирующее воздействие социальных и культурных норм, преломляясь в личности, порождает уникальные антропологические практики, индивидуальные жизненные стратегии. Будучи существом социальным, т.е. постоянно пребывая в каком-либо месте иерархически-устроенного социального пространства, находясь в некоей социальной группе, вступая в различные формы социального взаимодействия, социальных отношений, социальных практик, испытывая определённое влияние социальных и культурных норм, индивид – тем не менее – принадлежит себе, обладает самостью и имеет приватные стратегии целедостижительного поведения. Он может находиться с другими людьми в разных отношениях: конкуренции, сотрудничества, конфликта, подчинения, властвования. И всякий раз – это будет уникальная или типичная жизненная практика. Антропологи полагали, что эти практики уникальны в отношении так называемых «примитивных» обществ или традиционного общества в целом. Но оказалось, что исследование, базирующееся на социально-антропологической методологии и методиках, чрезвычайно плодотворно и в отношении современного общества и его прошлого.

Поль Вен, говоря об исторической антропологии, справедливо заметил, что если ранее она «оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то, в конечном счете, ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления

определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия), потребовал выхода на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности» [9. С.12]. Микроисторические кейс-стади, микроистория, история и культурология повседневности, история частной жизни семьи – это исследования, которые продемонстрировали в полной мере влияние микроуровневых смещений, трансформаций на общество как систему, на макроуровневые глобальные социальные, политические, экономические процессы. Это влияние (в большей или меньшей степени) нашло отражение в теориях ризомы Ж.Делёза, Ф. Гваттари, концептах М. Кастельса. Иногда подтверждение идее влияния кванта антропологической энергии на единое целое находят в современных методах расшифровки генома: самые малые изменения в генетической цепи обуславливают появление нового вида в живой материи или приводят к структурной эволюции.

Антропологическая перспектива хорошо встраивается в современные тренды гуманитаристики. Первый тренд связан с междисциплинарностью, второй – с многообразием языков описания объекта гуманитарного знания. Официальная культура, культура должного интересует теперь исследователей только в её взаимодействии с культурой «для меня», с её способами усвоения и присвоения индивидами, с её внутренними токами и смыслами. Исследовательская оптика смещает фокус рассмотрения в сторону того, как конструируется, создается культура, каков язык самоописания акторов этой культуры, какова динамика смыслов и ценностей создателей этой культуры.

Антропология К. Гирца, этнография речи Д. Хаймса, этнометодология Г. Гарфинкеля развивают подобный подход. В отечественной гуманитаристике пионеры подобного исследования культуры Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич, А. Усманова, Б. Дубин.

Перестроечное открытие России, эмансипация гуманитарной исследовательской сферы, пусть и незавершенная, способствовали тому, что метанарративы, метатеории уступили место более тонким контекстуальным антропологическим описаниям человека и культуры, литературцентризм – окуляроцентризму, визуальным исследованиям.

В последние десятилетия получила распространение визуальная антропология. Она в союзе с визуальной социологией внесла весомый вклад в эмпирические полевые исследования; она создала новые способы интерпретации визуальных источников, визуальных текстов. Была создана база визуальных данных, которые активно используются представителями визуальных исследований. Причём, визуальный материал всё активнее стал использоваться в междисциплинарном социокультурном анализе. Визуальный отчёт стал абсолютно законным документом, репрезентирующим итоги и результаты социально-антропологического исследования. Мультимедийные средства, активно введённые в систему источников, создали неповторимую возможность изучения многообразных социальных и культурных практик. В рамках визуальной антропологии выполнены оригинальные проекты по исследованию советских антропологических практик, практик в контексте маргинальных субкультур.

А теперь продемонстрируем место визуальной антропологии в этом процессе визуальной репрезентации единичного и её взаимодействие с родственными научными направлениями.

Есть разные точки зрения на то, чем является визуальная антропология в современном обществе: от представления о ней как самостоятельной дисциплине до утверждения, которое принадлежит Горных А.: «Собственно, то, что сейчас называется визуальной антропологией, на мой взгляд, является обозначением встречного движения массового, «слепого» видеопроизводства и концептуализации этого производства в современных культурных исследованиях и постколониальной теории» [1]. Правда, А. Горных полагает, что бессмысленно требовать от социально-антропологического знания, как и от этнографического – объективности, строгости. В этом знании-власти (выражение М. Фуко) отчётливо проявляется действие тропов культуры, воспроизводство иерархичности, асимметрии. Социально-антропологический объект с самого начала является «текстом», предстает как поле текстуальности, порожаемое «конфликтом интерпретаций» или взаимопереводом различных «языков» [1].

Исследователь формулирует в рамках форума одну из важных задач, которая существует с момента первых этнографических фильмов Р. Флаэрти, и которую визуальная антропология должна решить. Это проблема подлинной репрезентации Другого как представителя иной – незападной культуры. По его словам, «Другой распадается на «веселые картинки», в которых акцентируется его забавно-абсурдная инаковость, Другой начинает выполнять функцию фрика в телешоу. Таким образом, происходит ассимиляция этнографического фильма масс-медийным пространством и превращение его в «младший класс (a minor subset) мира коммерческой документалистики», поставщика видеопродуктов для сети публичного телевидения PBS в США, глобального National Geographic и т.п. Антрополог, таким образом, в конечном счете участвует в глобальном производстве самой «совершенной», постмодернистской формы потребителя — порнографического зрителя, убеждающегося в своих цельности, полноте, господстве перед манящим, тревожным, опасным зрелищем Другого» [1].

Сложившиеся принципы визуальной антропологии можно свести, с одной стороны, к очень простым, а с другой стороны, сложным, трудно-реализуемым в социально-антропологических исследованиях: симметричный диалог культур, предполагающий отсутствие насилия, честность и равенство партнёров, исключение доминирования чьей-либо позиции; социальная ответственность в понимании и объяснении визуальных источников; внятное представление визуальных репрезентаций за рамками профессионального сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горных А. Визуальная антропология: видеть себя другим. Визуальная антропология vs этнографический фильм: политики репрезентации // Антропологический форум. 2007. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2007_7_rus/ (дата обращения: 02.04.2010).
2. Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. – М.: Весь Мир, 2004. – 216 с.
3. Ашкеров А.Ю. Социальная антропология. – М.: Маркет ДС, 2006. – 608 с.
4. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 1998. – 241 с.
5. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 688 с.
6. Кравченко А.И. Социальная антропология. – М.: Академический проект, 2003. – 543 с.
7. Культурная антропология / под ред. Ю.Н. Емельянова, Н.Г. Скворцова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 188 с.
8. Лысикова О.В. Культурный туризм как практика посттуриста // URL: http://www.jourssa.ru/2009/3/13_Lysikova.pdf (дата обращения: 02.04.2010).
9. Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. – М.: Изд-во НЛЮ, 2003. – 340 с.

Поступила 28.11.2011 г.